

В. А. Котельников

«ИМЕЕТ ДОСТОИНСТВО ИСТОРИЧЕСКОЕ»
(К. Н. ЛЕОНТЬЕВ И Б. М. МАРКЕВИЧ)

Резюме

В статье рассматривается отношение мыслителя и литературного критика К. Н. Леонтьева к творчеству писателя Б. М. Маркевича. Приводятся сведения об участии Леонтьева в создании образа Троекурова в романе Маркевича «Перелом», в конфликте между Маркевичем и И. С. Тургеневым.

Ключевые слова: К. Н. Леонтьев, Б. М. Маркевич, романы Маркевича, их герои и прототипы, историзм

Vladimir A. Kotelnikov

«IT HAS THE MERIT OF A HISTORICAL WORK»
(KONSTANTIN LEONTIEV AND BOLESLAV MARKEVICH)

Abstract

The article examines the attitude of the thinker and literary critic Konstantin Leontiev to the work of the writer Boleslav Markevich. The article provides information about Leontiev's role in the creation of the image of Troekurov in Markevich's novel *Perelom* and in the conflict between Markevich and Ivan Turgenev.

Keywords: Konstantin Leontiev, Boleslav M. Markevich, Markevich's novels, literary characters and prototypes, historicism

DOI 10.31860/2712-7591-2021-4-157-166

«Имеет достоинство историческое» — так оценил К. Н. Леонтьев роман Болеслава Михайловича Маркевича (1822–1884) «Перелом», входящий в его знаменитую трилогию: «Четверть века назад», «Перелом», «Бездна» (1878–1884).

У Леонтьева были весьма веские причины для такого суждения о романе. По этим же причинам он вывел Маркевича из того литературного гетто, в которое его вместе с прочими дворянскими писателями — «ретроградями», «обскурантами», «реакционерами» — заключила радикально-демократическая критика, учинявшая «аристократам» нещадную экзекуцию. Леонтьев выдвинул Маркевича в первый ряд гораздо решительнее и убедительнее, чем ранее это сделал в своей статье о «Переломе» П. К. Щебальский [Щебальский], будущий коллега Леонтьева по редакции «Варшавского дневника».

Во-первых, Леонтьев нашел в романах Маркевича подлинный *историзм*, указал на тесную связь его творчества (уже на основании первого романа трилогии) с былой и настоящей жизнью общества. Во-вторых, поставил его в этом качестве рядом с Л. Толстым. В статье «Еще о „Дикарке“ гг. Соловьева и Островского» (1880) Леонтьев писал: «Соловьев может стать для русской сцены почти тем, чем граф Л. Толстой и г. Маркевич (особенно в последнем великолепном произведении своем „Четверть века тому назад“) стали для русского романа, т. е. не то, чтобы реакционером, а почти что так... *напоминателем забытого, но еще существующего*» [Леонтьев, т. 9, с. 124]. «Забывтое существующее» — это жизнь, переходящая из одних исторических форм в другие, меняющаяся и сохраняющаяся в людях и вещах.

Кроме того, как верно замечает О. Л. Фетисенко, «в Маркевиче Леонтьев нашел собеседника, который разделял его культ „эстетики жизни“ и ненависть к „либеральщине“ и „европеизму“» [Фетисенко, с. 350]. И что было особенно дорого Леонтьеву — именно с этих позиций освещались изображаемые Маркевичем события и лица русской жизни, сопровождаемые точной и подробной обрисовкой социально-политической и бытовой их обстановки.

По поводу «Четверти века назад» Маркевич в письме помощнику Каткова Николаю Алексеевичу Любимову (1830–1897) от 14 июля 1878 г. из Красного Рога (имения А. К. Толстого) писал: «Роман мой имеет предметом изображение московского общества 25 лет тому назад с теми интересами, идеалами, побуждениями, какими жили люди той эпохи; герой мой имеет совершенно определенный оттенок мнений известной тогдашней партии». И негодовал, что в редакции «Русского вестника» «все это вон, похерено, изрезано! Славянофил мой превращается в бесцветнейшего водевильного

героя (...) весь колорит времени стерт!.. (...) Но этого мало. Не только весь политический оттенок в характере героя безжалостно уничтожен, но при этом не пощажен и разговор двух главных лиц, не имеющий ничего политического, как бы нарочно для того, чтобы этих лиц именно совершенно уже обесцветить. (...) Безжалостная рука прошла таким образом по всему написанному»¹.

Этот-то «колорит времени», это, как позже скажет Леонтьев, «веяние известным духом времени или среды» [Леонтьев, т. 9, с. 243] — вот что высоко ценит он у Маркевича, как и у Толстого. Выражение такого «колорита» и «веяния» у последнего он находит в том числе в светских сценах «Войны и мира», «так красиво, так тонко и как бы благоуханно» изображенных Толстым, — и восклицает: «У кого мы это еще найдем! — Только у Маркевича в „Четверти века“ и „Переломе“» [Там же, с. 260].

Однако в этих романах Маркевич отнюдь не только «напоминатель» и живописатель той жизни дворянства, столичного и поместного, правительственных и придворных кругов, которую он во всех подробностях знал изнутри, не только собиратель ушедших «типов прошлого» (название его романа 1867 г.), — он, в сущности, эпик-драматург, работающий с материалом этой жизни, придающий ее изображению форму тяжелой социально-политической драмы, трагическую развязку которой ничто и никто уже не может предотвратить. Показательно, что основное действие «Четверти века» разворачивается в ходе подготовки и постановки на домашнем театре трагедии «Гамлет»; между участниками спектакля возникают напряженные драматичные отношения, которыми управляет Шекспир, а завершается роман смертью исполнявшей роль Офелии княжны Лины и самоубийством старого князя Шастунова.

С похвалой, хотя и не без едких замечаний о языке, отозвался о романе Леонтьев. Вскоре по выходе романа он писал Вс. С. Соловьеву 14 декабря 1878 г.: «Как Вы находите, прав ли я или нет, если я Вам скажу, что *сюжет*, по-моему, гораздо интереснее и даже серьезнее „Анны Карениной“ и есть места восхитительные по силе и поэзии (напр(имер), хоть *представление* Гамлета или кутёж и политический спор после бала); но какая разница в *чистоте исполнения!* Герои всё „взвизгивают“, „всхлипывают“, всё „невольнo“ оглядывают(ся) (это *невольно!*). Еще что? — Ах! Да... „Недоумело“, не „насильно улыбаясь“, и даже не „насильственно“, а „насилованно“... Что за язык! — Очень немного есть нынешних писателей, которых приятно и *не стыдно* громко читать. (...) Но зато князь Ларион, граф Анисьев, Аглая

¹ РО ИРЛИ. Ф. 160. Ед. хр. 2. Л. 222.

и некоторые второстепенные лица до того хороши, что так бы хотелось выскоблить ножичком все эти шероховатости языка» [Леонтьев, т. 11, кн. 2, с. 281]. А в письме К. А. Губастову от 4—19 июля 1885 г. он вспомнил о времени, когда впервые прочел роман и еще не был знаком с его автором, который тогда «вдруг составил себе имя романом „¼ века тому назад“. Роман прелестен, и весь Тургенев — одной главы этого романа не стоит!» [Леонтьев, т. 12, кн. 1, с. 116—117].

Никаких перспектив, которые намечены образами Пьера Безухова, Платона Каратаева, Константина Левина, у Маркевича, конечно, нет и быть не может — болезнь слишком глубоко захватила общество, и прогноз неутешителен. Посылая И. С. Аксакову только что вышедшее отдельное издание «Перелома» 21 февраля 1882 г., Маркевич, не желая раздражать адресата-славянофила пессимистическими предвидениями, весьма сдержанно определял авторскую цель своей «правдивой истории»: «В прилагаемом при сем романе я, по мере сил, старался изобразить патологические состояния нашего общества вслед за реформами 19-го февраля»².

Историзм в романах Маркевича поддерживается и конкретизируется в персонажах, имеющих прототипическое происхождение, которое было очевидно для современников автора. Не упустил его из виду и Леонтьев.

Правда, А. П. Чехов, познакомившийся с Маркевичем летом 1883 г. и читавший его произведения, писал Н. А. Лейкину 30 января 1884 г., что «знает и автора, и его друзей, которых он нещадно третирует своей сплетней в „Безднах“ и „Переломах“» [Чехов, с. 100]. Но в такой оценке молодого Чехова отозвалось прежде всего мнение либеральной журнальной среды, с которой он уже был тесно повязан. Маркевич же отнюдь не «третировал» лиц, послуживших прототипами его персонажей, а лишь использовал их черты, принадлежавшие времени, чтобы дать им литературное существование в романах. Хотя в обрисовке иных персонажей, представлявших деятелей высшей бюрократии, сатирические оттенки, безусловно, присутствуют.

В образе Ашанина (действующего во всех трех романах) он воспроизводит некоторые черты внешности и характера Владимира Петровича Бегичева (1828—1891) — драматурга, чиновника в разных учреждениях; с октября 1864 г. он служил в должности инспектора репертуара московских Императорских театров, с октября 1881 г. недолго был управляющим этими театрами, возглавлял Московскую театральную контору. В его драматургии преобладали переводы французских пьес, в 1853 г. в Малом театре был поставлен водевиль «Китайская роза», написанный в соавторстве с Маркевичем, с ко-

² РО ИРЛИ. Ф. 134. Оп. 8. Ед. хр. 31. Л. 1 об.

торым Бегичев поддерживал дружеские отношения. Овдовев после женитьбы на «перезрелой деве», очаровавшей его исполнением романсов, он женился на артистке-любительнице М. В. Шиловской; но брак не мешал ему быть в московском обществе одной из весьма заметных и колоритных фигур благодаря как талантам, так и многочисленным любовным увлечениям. Его называют прототипом Ашанина А. П. Чехов [Чехов, с. 100] и А. Г. Фомин³. Свойственное Бегичеву легкомыслие при всей симпатии к приятелю иногда повергало Маркевича в отчаяние, о чем он писал Н. А. Любимову (в недатированном письме), когда пропала его рукопись, доверенная «этому шелопаю» Бегичеву для передачи в редакцию «Русского вестника»⁴.

В образе Гундунова отразились некоторые стороны личности, воззрений и деятельности идеолога славянофильства Юрия Федоровича Самарина (1819–1876) и Александра Николаевича Попова (1819, или 1820, или 1821 — 1877), историка, законоведа, публициста, который под влиянием А. С. Хомякова усвоил и развивал славянофильские идеи. Оба окончили Московский университет, и оба были знакомы Маркевичу. Леонтьев писал о Гундунове, что «политическая роль его похожа на ту, которую играл Юрий Федорович Самарин в деле освобождения крестьян» [Леонтьев, т. 9, с. 151]⁵.

По основательному предположению А. Г. Фомина, в образе графа Анисьева отразились некоторые черты личности князя Василия Андреевича Долгорукого (1804–1868), сделавшего блестящую военную и придворную карьеру⁶. Под именем «графа» в романе представлен в некоторых характерных чертах широко известный в Москве и Петербурге граф Арсений Андреевич Закревский (1783–1865), военный и государственный деятель. С 1848 по 1859 г. он был московским военным генерал-губернатором, проявив на этом посту худшие свойства администраторов николаевской эпохи. На этот прототип персонажа указывает, на основании некоторых источников, А. Г. Фомин⁷.

По признанию самого Маркевича, личность его домашнего учителя с «фотографической верностью» запечатлена в образе Василия Григорьевича Юшкова.

Единственный (и наиболее близкий автору) герой, который в области своих убеждений, в практической деятельности и как нравственно и умствен-

³ РО ИРЛИ. Ф. 568. Оп. 1. Ед. хр. 85. Л. 386.

⁴ РО ИРЛИ. Ф. 160. Ед. хр. 2. Л. 216–217.

⁵ Ср. в письме Маркевича к Леонтьеву от 12 августа 1880 г.: «...Гундуров, славянофил (я имел прототипом Самарина)...» [цит. по: Фетисенко, с. 345].

⁶ См.: РО ИРЛИ. Ф. 568. Оп. 1. Ед. хр. 85. Л. 157.

⁷ Там же. Л. 143.

но здоровая натура противостоит всей общественной «патологии», — это Борис Васильевич Троекуров, который в романе по-леонтьевски героичен, эстетичен и патриотичен. Гундуrow же, не способный занять такую позицию, вполне чужд Маркевичу, о чем он писал П. К. Щебальскому 23 июля 1880 г., в разгар работы над романом: «Доктринерство Гундуrowа не только не владеет моими сочувствиями, — оно, как говорится, *pretit* всем моим инстинктам (оно не *эстетично*, уже прежде всего). Но я — *русский* художник (*passer moi cette forfanterie* (простите мне это бахвальство, *фр.*)); чувство правды берет у меня верх надо всеми моими соображениями. Если у меня Гундуrow говорит „умнее“ Наташанцева, то это потому, что, увы, в действительности это было так. Я знал оба лагеря тех времен. {...} Гундуrow „умен“ не столько *an sich* (*здесь*: сам по себе, *нем.*), как теми фактами истории, на которых сидит он верхом...» [Маркевич, с. 149].

Что касается главного героя этого и третьего романов, то Маркевич в письме к Щебальскому от 4 апреля 1882 г. решительно утверждал, что ни с кого «не списывал Троекурова», как не списывал и фигуру Киры Кубенской [Маркевич, с. 167]. Примечательно, что некоторую роль в создании образа Троекурова сыграл Леонтьев, который в письме к К. А. Губастову от 4–19 июля 1885 г. вспоминал о Маркевиче: «Он всякий раз, когда бывает в Москве, заезжает ко мне, сидит, советуется даже (в создании *Троекурова* — я, похвалюсь, принял немалое участие; — я говорил ему: „Ради Бога — никому и ничему не приносите в жертву достоинства Троекурова; — пожалуста, не подчините его как-нибудь *сильной* женщине... Хоть бы этой Кире — чтоб не вышел он у вас слабым Тургеневским героем... Это ужасно! Это ложь... С какой стати... я буду какой-то этой ‚сильной‘ женщине подчиняться... Бросить ее к чорту, если не можешь преобладать!“ и т. д.). Относительно некоторых мест в романе „Перелом“ он прямо извинялся передо мной, что „воспользовался“ моими идеями и даже моими выражениями. — (Напр(имер), когда Троекуров верхом катается с Княжн(ой) Кубенской и развивает ей *почти то*, что развивается отчасти явно, отчасти между строчками в моем „Византизме“ и т. п.; или выражение „соединение чего-то великобританского с лезгинским“ (в Троекурове); — это прямо из Варш(авского) Дневника). — Я говорил ему на это, что я очень рад, пусть пользуется, лишь бы вести пропаганду правильных идей и вкусов...» [Леонтьев, т. 12, кн. 1, с. 117]⁸. Указывая на «живых действительных людей» в русских литературных персонажах, то есть на воплощенные в них крупные

⁸ Указывая на «Варшавский дневник», Леонтьев подразумевал фрагмент из своей статьи в защиту Маркевича [Леонтьев, т. 7, кн. 2, с. 31]. См. также: [Фетисенко, с. 348–350].

человеческие типы, Леонтьев выше всех ставит троих: Андрея Болконского, Вронского и Троекурова [Леонтьев, т. 9, с. 241].

У романа были и литературные источники. В образе Овцына-отца в его отношениях к сыну Иринарху очевидна близость к образу Степана Трофимовича Верховенского в его отношениях к сыну Петруше, они в романе Достоевского «Бесы» выступали один — как носитель идей сороковых годов и тип идеалиста той эпохи, а второй — как порожденный ею же идеолог и практик нигилизма и радикального разрушения. Надо заметить, что именно этот роман повлиял на появление черт саркастической иронии в развитии социально-критической темы в трилогии и к нему восходит нарастающий пессимизм писателя в романной трактовке общественно-политической жизни России в 1860–1870-е гг.

Но некоторые персонажи, несомненно, имели своих современных прототипов, что обостряло читательский интерес к произведению.

Актуальная в 1859–1860-х гг. тема крестьянской реформы занимает в романе значительное место. Маркевич в нескольких персонажах с вымышленными именами нарисовал без труда узнаваемые фигуры реальных деятелей той эпохи. Это прежде всего (героиня называет его «monstre») Яков Иванович Ростовцев (1803–1860), генерал-адъютант, член Государственного совета, с 1859 г. возглавлявший Редакционные комиссии по подготовке реформы, деятельность которых он направлял в соответствии с правительственной программой. Идентичность персонажа поддерживается и хронологией романских событий: Ростовцев скончался 6 февраля, сцена с упоминанием о его смерти отнесена к началу февраля. Под именем Линютина фигурирует товарищ министра внутренних дел Николай Алексеевич Милютин (1818–1872), представитель либеральной бюрократии, к которой Маркевич относился критически, активный участник подготовки реформы. В лице Бековича выведен государственный и общественный деятель князь Владимир Александрович Черкасский (1824–1878), с либеральных позиций участвовавший в подготовке реформы. Под именем Вилина в романе фигурирует государственный деятель граф Виктор Никитич Панин (1801–1874), в 1841–1861 гг. министр юстиции. Как член Секретного, затем Главного комитетов по крестьянскому делу он препятствовал отмене крепостного права и проведению реформ, а став в 1860 г. председателем Редакционных комиссий, ревностно отстаивал интересы дворян-землевладельцев. Под именем Данского в романе подразумевается государственный деятель Сергей Степанович Ланской (1787–1862) — член Государственного совета, в 1855–1861 гг. министр внутренних дел, член Секретного комитета по крестьянскому делу; еще в 1857 г. представил записку, в которой предлагал лич-

ное освобождение крестьян. Ряд черт в образе Паванова указывает на государственного деятеля графа Петра Александровича Валуева (1814–1890), в 1858–1861 г. директора департамента Министерства государственных имуществ, с 1861 по 1868 г. министра внутренних дел, который в период подготовки освобождения крестьян от крепостной зависимости занимал правые позиции. В четвертой части романа появляется в кабинете Паванова Ягин, в образе которого представлен государственный деятель Александр Васильевич Головнин (1821–1886), возглавлявший с декабря 1861 г. по апрель 1866 г. Министерство народного просвещения, способствовавший проведению некоторых реформ в образовательных учреждениях, склонный к либеральным решениям в своей деятельности, хотя и противодействовавший влиянию Герцена в русском обществе. За образом генерала Бахратидова просматривается фигура государственного деятеля графа Михаила Тариеловича Лорис-Меликова (1825–1888); наряду с административным противодействием революционному движению он пытался привлечь на свою сторону оппозиционную часть общества. Вполне правдоподобны предположения, что в образе «меломана-фанатика» Топыгина изображен известный эстет критик Василий Петрович Боткин (1811–1869), в образе Самурова — Иван Сергеевич Тургенев, который еще прежде (и впоследствии) крайне неблагоприятно отзывался о творчестве и личности Маркевича. Между этими персонажами при встрече с ними Троекурова появляется некто Гаврилкин с его «совершенно французским благёрством», в котором можно увидеть черты Д. В. Григоровича; на него намекает К. К. Арсеньев в статье «Роман — орудие регресса» [Арсеньев, с. 836].

Леонтьев в своей рецензии «„Перелом“ Б. М. Маркевича»⁹ утверждал, что появляющиеся в «Переломе» новые лица, «очень умно задуманные и художественно изображенные», «чуть-чуть не прямо списаны с весьма известных особ». Он заявлял: «За сходство ненадежного „художника“ Самурова и непоколебимого, угрюмого графа Вилина с их действительными оригиналами пишущий эти строки может ручаться, так как ему пришлось видеть и знать несколько и того и другого» [Леонтьев, т. 9, с. 152]. Тургенева Леонтьев знал достаточно хорошо. «Действительным оригиналом» Вилина был упомянутый выше граф В. Н. Панин, о знакомстве с которым («бывшим министром») Леонтьев писал Н. Н. Страхову 19 ноября 1870 г. [Леонтьев, т. 11, кн. 1, с. 292]. В цитируемой рецензии Леонтьев, сравнивая Маркевича с ним же самим, полагал, что «Перелом» «выше всех прежних его сочинений, за исключением „Четверти века назад“... Роман „Четверть века“

⁹ Московские ведомости. 1882. № 90, 2 апр.

написан с необычайной теплотой, удивительной искренностью и правдой поэзии» [Леонтьев, т. 9, с. 153]. «Перелом» же, в котором «есть страницы, полные чувства и глубокого драматизма: таковы сцены смерти Ольги Ранцевой и сцена прощанья севастопольского героя с несчастным мальчиком-сыном, которого совратил гнусный Овцын в нигилизм», по мнению Леонтьева, «имеет достоинство *историческое*. Автор близко знаком с жизнью высшего петербургского круга, и многие *действительные* драматические черты той эпохи, которая на этот раз избрана г. Маркевичем, будут, благодаря его блестящему произведению, сохранены для потомства» [Там же].

В связи с образом Самурова либеральная журналистика подняла громкий шум, не скрывая негодования за непочтительное отношение к их кумиру — Тургеневу. Н. К. Михайловский в «Журнальном обозрении» своих «Записок современника»¹⁰ говорит о «пасквиле» на «одного нашего известного писателя», а позже в заметке «О крокодиловых слезах» уже прямо указывает, что «Самуров есть пасквиль на Тургенева»¹¹, и обвиняет Маркевича в лицемерии, так как он, по мнению критика, оплакивает «помрачение солнца» «эффиопами» (то есть отрицание искусства нигилистами), а сам пишет пасквиль на великого художника. Тургенев еще до появления «Перелома» считал, что Маркевич в своих писаниях мстит ему за то, что был шаржирован в романе «Новь» в образе Ladislas'a, о чем писал М. М. Стасюлевичу 25 (13) января 1877 г. [Стасюлевиц, с. 110].

Леонтьев вступился за Маркевича в его столкновении с Тургеневым, когда многие писавшие об этом газеты встали на сторону последнего. Распря началась с фельетона Маркевича, опубликованного в «Московских ведомостях» (1879. № 313, 9 дек.) под псевдонимом «Иногородний обыватель», в котором было приведено (в переводе с французского) предисловие Тургенева к воспоминаниям революционера-народовольца И. Я. Павловского и содержался упрек Тургеневу в симпатиях к нигилизму. Разгорелась газетная перепалка, в адрес Маркевича и Каткова раздавались обвинения в доносительстве¹². Леонтьев в передовице «Варшавского дневника» «Варшава, 19 января» (1880) отвергает такие обвинения и видит в выступлениях литераторов консервативного лагеря законное выражение их гражданских убеждений. Он создает апологию охранительного направления, стремящегося удержать прекрасное в жизни и изображать его в искусстве, для чего необходима честность мысли и честность творчества. Заключение статьи

¹⁰ Отечественные записки. 1882. № 1.

¹¹ Северный вестник. 1882. № 10. С. 172.

¹² См. об этом в подробном комментарии О. Л. Фетисенко к статье Леонтьева: [Леонтьев, т. 7, кн. 2, с. 803–808].

замечательно по своему пафосу: «*Указывая* людям на это прекрасное, писатель служит родине. Такого рода должна быть честность художника, и, вероятно, именно отсутствие подобной-то честности у г. Тургенева раздражает и г. Маркевича, и г. Каткова, и многих других» [Леонтьев, т. 7, кн. 2, с. 33].

Литература

- Арсеньев — *Арсеньев К. К.* Роман — орудие регресса: Полное собрание сочинений Б. М. Маркевича. СПб., 1885 // Вестник Европы. 1882. № 2. С. 823–848.
- Леонтьев — *Леонтьев К. Н.* Полн. собр. соч. и писем: В 12 т. [19 кн.] / Подгот. текста и коммент. В. А. Котельникова и О. Л. Фетисенко. СПб.: Владимир Даль, 2000–2021.
- Маркевич — Письма Б. М. Маркевича к графу А. К. Толстому, П. К. Щербальскому и друг(им). СПб.: Тип. т-ва «Общественная польза», 1888. 369 с.
- Стасюлевич — М. М. Стасюлевич и его современники в их переписке: В 5 т. СПб.: [б. и.], 1912. Т. 3. 790 с.
- Фетисенко — *Фетисенко О. Л.* «Гептастилисты»: Константин Леонтьев, его собеседники и ученики. СПб.: Изд-во «Пушкинский Дом», 2012. 784 с.
- Чехов — *Чехов А. П.* Полн. собр. соч. и писем: В 30 т. Письма: В 12 т. М.: Наука, 1974. Т. 1: Письма, 1874–1886. 584 с.
- Щербальский — *Щербальский П. К.* Роман из эпохи освобождения крестьян: *Перелом, правдивая история Б. Маркевича* // Русский вестник. 1882. № 3. С. 350–383.

References

- Arseniev, K. K. (1886). 'Roman — orudie regressa', *Vestnik Evropy*, 2, 823–848.
- Chekhov, A. P. (1974). *Polnoe sobranie sochinenii i pisem*. 30 vols. *Pis'ma*. 12 vols. Moscow: Nauka. Vol. 1. 584 p.
- Fetisenko, O. L. (2012). "Geptastilisty": *Konstantin Leont'ev, ego sobesedniki i ucheniki*. Saint Petersburg: Izdatel'stvo "Pushkinskii Dom". 784 p.
- Leont'ev, K. N. (2000–2021). *Polnoe sobranie sochinenii i pisem*. 12 vols. V. A. Kotelnikov, O. L. Fetisenko, eds. Saint Petersburg: Vladimir Dal'.
- Pis'ma B. M. Markevicha k grafu A. K. Tolstomu, P. K. Shchebalskomu i drugim* (1888). Saint Petersburg: Tipografiya tovarishchestva "Obshchestvennaya pol'za". 369 p.
- Shchebalskii, P. K. (1882). 'Roman iz epokhi osvobozhdeniya krest'yan. *Perelom, pravdivaya istoriya B. Markevicha*', *Russkii vestnik*, 3, 350–383.
- M. M. Stasyulevich i ego sovremenniki v ikh perepiske* (1912). 5 vols. Saint Petersburg: [s. n.]. Vol. 3. 790 p.